Л. В. СОКОЛОВА

К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста)

Сочинение Даниила Заточника известно в нескольких редакциях.[1] Используя материал авторского текста Даниила (афоризмы, цитаты, поговорки, рассуждения на ту или иную тему), древнерусские книжники создавали произведения, отличающиеся друг от друга по композиции, стилю, жанру, так называемому образу автора. В связи с этим правильнее, вероятно, говорить не о разных редакциях одного памятника, а о цикле произведений, приписываемых Даниилу Заточнику, а также анонимных, но основанных на его тексте.

Н. Н. Зарубин при публикации всех известных ему текстов, атрибутированных Даниилу Заточнику, выделил два основных памятника (названных им основными редакциями) — «Слово Даниила Заточника» (далее: «Слово») и «Послание (Моление) Даниила Заточника» (далее: «Моление»),[2] к которым так или иначе восходят все остальные произведения цикла.

Вопрос о том, какой из двух памятников первичнее — «Слово» или «Моление», широко обсуждался в науке. Мнения ученых на этот счет разделились. Проведенное мной текстологическое сопоставление текстов «Слова» и «Моления» подтвердило точку зрения тех исследователей, которые считают первичным «Слово». Развернутое текстологическое обоснование этого будет дано в другой статье, посвященной характеристике «Моления». Здесь же ограничимся лишь самыми общими замечаниями, которые необходимо учитывать при анализе текста «Слова».

«Моление» Даниила Заточника представляет, на мой взгляд, кардинальную переработку «Слова», но более раннего, чем дошедший до нас, вида, в котором еще не было некоторых позднейших вставок.

Ключ к разгадке текста «Моления» нашел Д. С. Лихачев. Он отметил характерное для этого текста «скоморошье балагурство» автора.[3] Это ско-

---

[1] В 1932 г. публикацию всех известных к тому времени списков с разделением на две основные редакции и их переделки осуществил Н. Н. Зарубин. См.: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Пригот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. После этого было обнаружено еще несколько списков. См.: Малышев В. И. Новый список Слова Даниила Заточника // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 195—200; Тихомиров М. Н. «Написание» Даниила Заточника // Там же. 1954. Т. 10. С. 270—279; Покровская В. Ф. Неизвестный список «Слова» Даниила Заточника // Там же. С. 280—289; Перетц В. Н. Новый список «Слова» Даниила Заточника // Там же. 1956. Т. 12. С. 362—378.

[2] Название это в известной мере условное, так как списки данного памятника озаглавлены не только «Моление» и «Послание», но и «Слово».

[3] См.: Лихачев Д. С. Великое наследие. 2-е изд., доп. М., 1980. С. 241—285. Правда, Д. С. Лихачев относит свою интерпретацию одновременно к обоим текстам — и к «Слову», и к «Молению».

© Л. В. Соколова, 1993.

морошье балагурство проявляется буквально во всем: в композиции, языке, стиле, в образе автора. Если в протографе «Слова» можно предполагать реальное послание, внесенное позднее в литературные сборники, то текст «Моления» явно литературный. Это антитекст, литературная пародия на «Слово» Даниила Заточника. Если «Слово» построено по четкому плану, то автор «Моления» перетасовал фразы, фрагменты своего оригинала и поставил их в случайном порядке. Вероятно, он имитирует речь шута, которая должна казаться бессвязной, нелогичной, отрывистой. Если текст «Слова», точнее его автор, последователен, то текст «Моления» полон противоречий. Например, то автор говорит о своем уме (вслед за оригиналом), то утверждает, что имеет «лубян ум, а толстян язык, мысли, яко отрепи изгребены», что «худ разум» имеет, что он «есмь не мудр, но в премудрых ризу облачихся, а смысленых сапоги носил», — типичные приемы шута. Сказав о себе, вслед за Даниилом, что он «паря мыслию своею, аки орел по воздуху», Псевдо-Даниил «Моления» далее пишет: «умомъ своим ползая мыслию, яко змия по камению». Символическое противопоставление горнего орла и пресмыкающейся змеи общеизвестно. Даниил «Слова» гордится своим талантом, даром слова, а Псевдо-Даниил «Моления» язвительно противопоставляет его словесный дар трусости в бою: «Аще есми на рати не велми храбръ, но в словесѣх крѣпок». Даниил Заточник говорит о себе, что жизнь его расстроилась из-за буести, то есть излишней заносчивости, гордости, независимости. Псевдо-Даниил «Моления» парирует на это: «Аще бо были котлу во ушию златы колца, но дну его не избыти черности и жжения; тако же и холопу: аще бо паче мѣры горделивъ былъ и буявъ, но укору ему своего не избыти холопья имени». Автор «Моления» пародирует и похвалу Даниила князю. Если в «Слове» похвала эта умеренна и уместна, то Псевдо-Даниил «Моления», пародируя ее, создает похвалу-насмешку: «Лев рыкнет — кто не устрашится, а ты, княже, речеши — кто не убоится? Яко же бо змии страшен свистаньем своим, тако и ты, княже нашь, грозен множеством вои». Книжному стилю «Слова» Псевдо-Даниил «Моления» противопоставляет сниженную, нарочито грубоватую образность мирских притч, скоморошин, демократической сатиры.

Как видим, автор «Моления», основываясь на тексте «Слова», в то же время спорит с ним, пародирует его, высмеивает Даниила; его послание. Таким образом, «Моление» является вторичным по отношению к «Слову» памятником. Это ответ на «Слово», анти-«Слово», пародия на него.

Итак, из всех дошедших текстов, приписываемых Даниилу Заточнику, наиболее архаичным является «Слово». Однако и оно, по общему признанию, не является авторским текстом, поскольку в нем очевидны позднейшие вставки, в том числе и из «Моления». По словам П. В. Бессонова, судьба этого памятника «совершенно сходна с судьбою всех подобных произведений иностранных, классических и даже восточных. Как скоро сочинение... касалось нравственных и практических правил, никогда нельзя было избавиться вставок».[4]

Таким образом, чтобы восстановить авторский текст, необходимо прежде всего реконструировать первоначальный состав «Слова». Задача эта представляется чрезвычайно важной, поскольку, не решив ее, мы обречены судить о произведении Даниила Заточника не на основании авторского текста, а на основании его позднейшей обработки. На мой взгляд, указанная задача вполне выполнима, вопреки мнению А. Данти и М. Колуччи, убежденных в том, что «первоначальная структура произведения безнадежно

[4] Бессонов П. В. Несколько замечаний по поводу напечатанного в «Русской беседе» Слова Даниила Заточника // Москвитянин. 1856. Т. 2. С. 416.

утеряна в результате наслаивающихся сознательных изменений, и не существует никакой техники, которая позволила бы восстановить первоначальный текст».[5]

Задачей данной статьи является не только реконструкция первоначального состава «Слова», но и интерпретация освобожденного от позднейших вставок авторского текста. Изложить гипотезу об авторском тексте «Слова» удобнее в обратном порядке, начав со смыслового анализа текста «Слова» реконструированного состава, после которого доказательства вторичности выделенных фрагментов будут выглядеть, думается, убедительнее.

I

Интерпретация любого литературного текста «должна начинаться с анализа буквального смысла».[6] При изучении же древнего текста, а тем более написанного афористичным, иносказательным языком притч, экзегетическое толкование особенно важно и даже необходимо.

Чтобы в полном объеме уяснить содержание сочинения Даниила Заточника, необходимо не только выявить второй, скрытый смысл цитат, имеющий непосредственное отношение к судьбе Даниила, но также раскрыть смысл иносказательных метафоро-символических выражений. Не претендуя на безошибочное истолкование тех или иных фрагментов сочинения Даниила Заточника, я выношу на суд читателя свое прочтение этого интересного и загадочного произведения.

Интерпретацию авторского текста Даниила Заточника необходимо предварить замечанием о его композиции. По моему убеждению, Даниил Заточник создавал свое произведение по правилам эпистолярного жанра. Обоснование этого — тема особой статьи, здесь же постараемся лишь показать, что построено «Слово» по правилам архитектоники посланий [7] и содержит все необходимые их части.

Изучение композиции не только русских, но даже и византийских посланий еще только начинается.[8] В исследованиях архитектоники византийских писем много неустоявшейся терминологии, даже путаницы. Поэтому при характеристике композиции средневекового письма мы используем термины латинских риторик, в которых указываются следующие обязательные части послания: salutatio, exordium, captatio benevolentiae, narratio, argumentatio, conclusio.

По нашему мнению, композиционная схема средневекового послания была следующей. Функцию заглавия играла часть, называемая в латинских риториках salutatio (приветствие). В ней, в форме начального приветствия, сообщалось, чье это послание и кому адресовано. Не случайно части византийского письма, соответствующие salutatio (употребление одной из них исключало употребление другой), назывались inscriptio и praescriptio (оба слова переводятся как «надпись, заголовок, заглавие»). При включении

---

[5] Daniil Zatočnik. Slovo e Molenie / Edizione critica a cura di M. Colucci e A. Danti. Firenze, 1977. P. 48.

[6] Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М., 1991. С. 41.

[7] Дж. Беркофф, отвечая на вопрос, можно ли отнести «Слово» к жанру послания, отметила, что его композиция соответствует риторическому правилу, включая exordium, narratio, argumentatio и conclusio. Но данное расположение материала, по ее словам, характерно не только для эпистолярной литературы. См.: Bercoff G. B. Gattungs- und Stilprobleme der altrussischen Briefliteratur (XI—XV Jh.) // Gattungsprobleme der älteren slavischen Literaturen. Berlin, 1984. S. 114—116.

[8] См. об этом: Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984. С. 100. Пользуюсь случаем выразить благодарность Д. М. Буланину за консультации при моей работе над статьей.

послания в литературные сборники эта часть легко переделывалась в заглавие.

Текст письма строился, по всей видимости, на переплетении триад:

I. Зачин (exordium),

II. Семантема:

1) вступительная часть (captatio benevolentiae),

2) центральная часть (narratio и argumentatio),

3) заключительная часть.

III. Концовка (conclusio).

Содержание частей послания строго регламентировалось, как показали исследователи. Зачин содержал «начальные» цитаты или пословицы, призванные выразить главную мысль послания. Концовка включала пожелание здоровья или — шире — благопожелания адресату в молитвенной форме. Во вступительной части семантемы автор не только старался ввести адресата в курс дела, объяснить, чем вызвано его послание, но и расположить адресата к себе; не случайно эта часть послания носила в латинских риториках название captatio benevolentiae (дословно — «заискивание расположения»). Центральная часть семантемы включала narratio, то есть рассказ, повествование о сути дела, в котором могла высказываться просьба (petitio), и argumentatio, то есть аргументы в пользу сказанного и опровержение контрдоводов адресата. Эта центральная часть семантемы включала различные композиционные топосы (этикетные формулы) в зависимости от типа послания (просительное, утешительное, дружеское и т. д.). Заключительная часть семантемы состояла из закрепленных за ней композиционных топосов, включаемых по выбору автора. Непременным было лишь указание на краткость послания как на основное правило жанра. В этой части семантемы могла быть также просьба об ответном письме, указание на источник своих знаний и т. д.

С учетом сказанного обратимся к тексту «Слова» Даниила Заточника в его первоначальном, согласно нашей гипотезе, составе.

Анализируется Академический список «Слова», признанный исследователями лучшим (название дано по бывшему месту хранения: библиотека СПб. Духовной академии). Шифр рукописи: ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 43/1120, нач. XVII века. В приложении к статье публикуется текст этого списка. В основу публикации положено издание Н. Н. Зарубина, в отличие от которого в тексте выделены позднейшие вставки (сдвинуты вправо), а первоначальный авторский текст дан с разбивкой на строфы.[9] Таких строф в тексте 29. Строфа является законченным синтаксическим и тематическим целым. Она заканчивается точкой и заключает в себе самостоятельную мысль. Для каждой строфы характерна общность интонационного рисунка. Строфа делится на периоды, в основе которых — синтаксический параллелизм, а периоды состоят из ритмических рядов или стихотворных строк. Стихотворная строка делится, как правило, четкой синтаксической паузой (цезурой) на два полустишия. Интересно, что каждая часть текста содержит определенное число строф, в этом заметна продуманность. Внешние, обрамляющие части (зачин и концовка) содержат по одной строфе, вступительная и заключительная части семантемы — по

---

[9] Впервые ритмическую разбивку текста «Слова» предложил М. Колуччи. См.: Colucci M. Le strutture prosodiche delle Slovo Daniila Zatočnika // Ricerche Slavistiche, 1973—1974. T. 20—21. P. 83—123. Ср.: Daniil Zatočnik. Slovo e Molenie. P. 197—219. Однако попытка представить весь текст «Слова» как построенный по «изоколическому» принципу вызывает справедливые возражения исследователей. См., например: Бирнбаум Х. Мечта и тоска в период высокого Средневековья: Даниил Заточник и Вальтер фон дер Фогельвейде // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 176 и примеч. 11.

3 строфы, центральная часть семантемы — 21 строфу (из них 12 — нарративная часть и 9 — аргументация). Схематично это выглядит так:

1 — 3 — 21 — 3 — 1.

Строфу составляют, как правило, от 4 до 8 строк. Только в одной строфе их 9.

Внесенные мной в текст исправления по другим спискам «Слова» выделены курсивом и в необходимых случаях обоснованы при анализе текста. В некоторых случаях изменены знаки препинания по сравнению с изданием Зарубина, і заменено на и.

* * *

В заглавии Академического списка послание Даниила Заточника названо «словом» и адресовано автором своему князю — Ярославу Владимировичу. Есть все основания считать, что «словом» назвал свое послание сам автор. По представлениям византийцев, восходящим к античной традиции, автор послания «говорил», а адресат «слушал». Считалось, что получатель письма воспринимал послание не глазами, а ушами, что, впрочем, соответствовало традиции читать письма вслух. В связи с этим пишущий письмо выступал как оратор, а для адресата применялось обозначение «слушатель».[10] Из этого следует, что послание рассматривалось как своего рода «слово», произнесенное автором и услышанное адресатом. Риторические правила были действительно во многом общими для письма и ораторского произведения.

Заглавие представляет собой, вероятно, переделанное начальное обращение к адресату (salutatio). Приветствия адресату в нем уже нет.

Первую строфу (зачин) почти целиком составляют так называемые начальные библейские цитаты, являющиеся, по словам Р. Пиккио, «тематическими ключами» произведения.[11] Они призваны выразить в краткой форме главную мысль послания.

Прежде всего Даниил, используя образность Псалтири, сообщает о своем решении обратиться к князю, пользуясь, словно дорогими музыкальными инструментами, своим разумом, своей мудростью («Въструбимъ, яко во златокованыя трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребреныя арганы *возвития* мудрости своеа»). Словами Давида Псалмопевца «Въстани, слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех» автор выражает стремление возродить свою былую славу песнетворца, исполняющего песни под аккомпанемент музыкального инструмента. С просьбой помочь ему в этом и обращается Даниил к князю, как увидим далее. Это — основная мысль и цель его сочинения. Следующие цитаты призваны охарактеризовать само послание: это исповедь автора («востану рано, исповѣмъ ти ся»), в которой в иносказательной форме («въ притчах») автор выскажет то, что мучает его, свои мысли, думы («гаданиа моя») и возвестит о своем таланте, составляющем его славу («провѣщаю въ языцѣх славу мою»).

Последняя фраза зачина имеет обобщающий характер афоризма: «Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою и мудростию». Вероятно, это объяснение того, с какой целью пишет Даниил свое послание (на это указывает союз «ибо», связывающий данную фразу с предыдущим текстом): «смысленый» Даниил надеется помочь себе мудростью и красотой своего послания.

---

[10] См.: Сметанин В. А. Эпистолология поздней Византии, проэлевсис (конкретно-историческая часть) // Античная древность и средние века. Свердловск, 1978. Вып. 15. С. 63.

[11] См.: Picchio R. The Function of biblical thematic clues in the literary code of «Slavia Orthodoxa» // Slavica Hierosolymitana. Jerusalim, 1977. Vol. 1. P. 23.

Основная часть «Слова», семантема, начинается, как и полагалось, вступлением, экспозицией (строфы II—IV). Здесь автор не только напоминает кратко предысторию послания, но одновременно пытается расположить адресата к себе (композиционный топос), оправдаться, объяснить князю свой поступок, за который был наказан.

Этот фрагмент, написанный иносказательно, крайне труден для интерпретации. Многие из использованных здесь метафор и сравнений построены на библейских образах, и не всегда до конца ясно, на чем именно строит автор сравнение или метафору. К тому же некоторые из использованных библейских образов сами по себе нуждаются в специальном исследовании. В связи с этим предлагаемая интерпретация фрагмента не претендует на бесспорность.

Прежде всего Даниил сообщает, что, отличаясь талантом красноречия («бысть языкъ мои — трость книжника-скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость»), он осмелился написать князю о всех узах, оковах своего сердца (то есть о том, что тяготило, волновало его), чтобы тем самым освободиться от них, разбить их с ожесточеним («Сего ради покушахся написати всякъ съузъ сердца моего и разбих злѣ, аки *древняя* младенца о камень»). Используя библейский символ младенцев, разбиваемых о камень,[12] Даниил Заточник иносказательно ссылается на крайнюю степень отчаяния, заставившую его обратиться к князю с посланием. Даниил пишет далее, что боится княжеской хулы, ибо он, как бесплодная смоковница, не имеет плода покаяния, не раскаивается глубоко, искренне в своем поступке («Но боюся, господине, похулениа твоего на мя: азъ бо есмь аки она смоковница проклятая, — не имѣю плода покаянию»).[13] Следующей фразой Даниил пытается оправдаться: «Имѣю бо сердце — аки лице безъ очию, и бысть умъ мои — аки нощныи вранъ на нырищи». Фраза эта обычно понимается как отрицательная самохарактеристика Даниила: и сердце у него слепое, и ум как ночной ворон. Я вижу здесь другой смысл.

Сердце, подобное лицу без очей, то есть слепое, свидетельствует, вероятно, о бесстрастности Даниила. Для сравнения напомню, что та же символика «лица без очей» (слепоты) в образе Фемиды: повязка у нее на глазах — символ беспристрастности. Та же символика слепоты—беспристрастности и в образе Фортуны, богини счастливого случая, незаслуженной, случайной удачи, которая также изображалась с повязкой на глазах. Свой ум Даниил сравнивает с «нощным враном» на нырищи, то есть на развалинах. «Нощный вран» — это калька с греческого слова *νυκτικόραξ*, означающего ночную птицу типа филина, как и переводится это слово на современный русский язык. Именно так понимали орнитоним «нощный вран» и древнерусские книжники: «нощный вран» как ночная птица упоминается в Физиологе и, наряду с «враном», в библейских книгах Второзаконие и Левит.

Сравнивая свой ум с филином, Даниил использует образ Псалтири из 101 псалма: «Уподобихся неясыти пустыннѣй, быхъ яко нощныи вран на нырищи. Бдѣхъ и быхъ яко птица, особящиася на здѣ (на гнезде)». Здесь образ филина — ночной и одинокой птицы, как и образ пеликана (неясыти), любящего пустынные места, символизирует одиночество попавшего в беду

---

[12] Даниил использует здесь образ 136-го псалма: «Дочь Вавилона, опустошительница..., блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!».

[13] Некоторые исследователи предлагают понимать эту фразу иначе: не имею плода [от] покаяния, то есть раскаиваюсь, но не имею результатов своего покаяния — княжеской милости. Однако такое прочтение не может быть, на мой взгляд, принято. Даниил сравнивает с бесплодной смоковницей себя (он не имеет плода), а не свое покаяние.

человека. Сравнение же Даниилом своего ума с филином на развалинах должно, вероятно, охарактеризовать его ум как стремящийся к уединению, самостоятельный, не подверженный влиянию чужого мнения, — независимый, гордый ум.

Итак, Даниил, оправдываясь в поступке, за который он наказан, пишет, что, по его мнению, вся «вина» его в том, что он был беспристрастен и независим в своих суждениях.

Дальше Даниил, вновь в иносказательной форме, напоминает о том, что с ним случилось. Будучи приближенным князя, Даниил «забдел» (слово «забдѣхъ» употреблено здесь, вероятно, во втором, переносном значении, и его следует понимать так: начал бдительно, усердно служить князю, заботиться, радеть о его благе), но «буесть» (излишняя самоуверенность, гордость, дерзость) стала причиной краха его карьеры, расстроила его жизнь, лишила имущества, ввергла в нищету, как некогда погубила хананейских царей («Забдѣх — и расыпася животъ мои, аки ханаонскыи царь, буестию, и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона»).

Говоря о буести хананейских царей, Даниил, по всей вероятности, имел в виду библейский рассказ о том, как они, проявив непокорность, гордыню, встретили войной израильтян, отказались сдать им свои города, предназначенные израильтянам самим Богом, за что все хананейские города были преданы заклятию и полностью истреблены (Ис. Нав. 11, 19—20).

Интересная параллель к высказыванию Даниила о буести, приводящей к бедам, содержится в Ипатьевской летописи. Здесь под 1241 г. сообщается о том, что при походе на Перемышль, который возглавил дворецкий князя Даниила Галицкого, были взяты в плен слуги перемышльского владыки в богатых одеждах, среди которых был и «словутный певец Митуса». О последнем летописец пишет следующее: «Словутьного пѣвца Митусу, древле за *гордость* не восхотѣста служити князю Даниилу, раздраного акы связаного приведоша; сирѣчь, яко же рече Приточникъ: буесть дому твоего скрушиться... Си же притчею речена быша». Слова Соломона о буести, гордыне, «сокрушающей дом», которые, по мнению летописца, сбылись в судьбе Митусы, перекликаются со словами Даниила, который признается, что его жизнь разладилась «буестию».

Не раскаиваясь в своем поступке, Даниил тем не менее решается обратиться к князю с просьбой о помиловании, стремясь убежать от «художества» своего — преследующей его нищеты,[14] как возгордившаяся Агарь от «смирявшей» ее Сарры («Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры, госпожа своея»).

Обращаясь к князю с просьбой о помощи, Даниил рассчитывает на прежнее «добросердие» князя, на его прежнюю дружескую любовь и ссылается на слова Священного Писания («Но видих, господине, твое добросердие к собѣ и притекох къ обычнеи твоеи любви. Глаголеть бо въ Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царствия небеснаго. Писано бо есть: возверзи на Господа печаль свою, и тои тя препитаеть въ вѣки»).

Далее следует значительная по объему центральная часть семантемы, состоящая из двух частей: narratio, переплетающегося с petitio — просьбой

[14] Некоторые исследователи считают, что слово «художество» употреблено здесь в значении «искусство», понимая смысл фразы так: я написал это послание, чтобы загладить вину за свое произведение, послужившее причиной опалы. Однако такое толкование вряд ли возможно: если допустить, что Даниил бежит от лица своего сочинения, то необходимо признать, что он раскаивается в том, что создал его. Даниил же подчеркивает, что он не раскаивается, почему и боится княжеского «похуления». Более того, Даниил подчеркивает, что и данное послание — не «плод покаяния»: он написал его, спасаясь от нищеты.

(строфы V—XVI), и argumentatio (строфы XVII—XXVI). В нарративной части Даниил описывает свое бедственное положение изгнанника, переплетая жалобы на житейские невзгоды с просьбами к князю вызволить его из нищеты. Варьируя описание своей нищенской жизни и просьбу к князю о помощи, Даниил стремится растрогать князя, заставить его откликнуться на просьбу о помощи.

Оказавшись в опале, Даниил уподобился чахлой, поблекшей траве, растущей под прикрытием высокой стены: на нее ни солнце не сияет, ни дождь не падает. Для Даниила такой глухой стеной, оградившей его от всех людей, от лучей их дружеского участия, стала боязнь княжеского наказания за дружбу с опальным поэтом. Напротив, все теперь обижают его («Азъ бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застѣнии, на нюже ни солнце сиаеть, ни дождь идет; тако и азъ всѣмъ обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа, яко плодомъ твердым»). Но не смотри на меня, просит Даниил князя, как волк на ягненка, а смотри, как мать на младенца. Свою просьбу Даниил подкрепляет уподоблением себя птицам, которые не пашут, не сеют, но надеются на милость Божью. Возможно, это сравнение обусловлено именно тем, что Даниил относит себя к певцам, славотворцам, чье благополучие зависит от милости и щедрости князя («Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, аки мати на младенецъ. Возри на птица небесныа, яко тии не орють, ни сѣють, но уповають на милость Божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоея»).

Изгнанный из княжеского окружения, став нищим, Даниил несчастен везде, где бы он ни находился («Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣи смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ, на нем сѣдя, плачь горкии; и кому ти есть Новъгород, а мнѣ и углы опадали, зане не процвите часть моя»). Вероятно, Боголюбово, Белое озеро и Лаче озеро — это места, в которых пребывает Даниил, изгнанный князем из Новгорода. Называя эти топонимы, Даниил обыгрывает их семантику, первоначальный смысл. Боголюбово, то есть Богом любимое, а значит, счастливое, для него — горе лютое, Белое озеро для него — черней смолы, пребывание на Лаче озере для него — плач горький (здесь автор играет созвучием слов «Лаче» и «плач»), а Новгород, то есть новый город, для него настолько старый, что и углы опали: ведь в нем не расцвела его доля.

Отвернулись от него даже друзья и близкие, поскольку, будучи в нищете, он уже не может, как раньше, поставить перед ними «трепезы многоразличных брашенъ». Многие дружили с ним, опуская руку в одно блюдо (сидя за его столом), а в несчастье стали врагами и даже помогают сбить его с ног. Глазами плачут с ним (делают вид, что сочувствуют), а сердцем смеются над ним. Поэтому, делает Даниил горький вывод, не верь другу и не надейся на брата («Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многоразличных брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обрѣтаются и паки помагающе подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся. Тѣмъ же не ими другу вѣры, ни надѣися на брата»).

Как князь Ростислав [15] предпочел смерть (в борьбе за свой княжеский стол) Курскому княжению (поскольку долгом чести считалось добыть более высокий стол, позором — занять менее престижный), так для мужа пред-

[15] Слова, приписанные здесь Ростиславу (а в Копенгагенском списке Ярославу), согласно летописи произнес Андрей Владимирович (Добрый) в 1139 г., когда великий князь Всеволод Ольгович изгонял его с Переяславского престола, отдавая взамен Курское княжение.

почтительнее смерть, чем нищенская жизнь («Не лгалъ бо ми [16] Ростиславъ князь: лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лѣпше смерть, ниже продолженъ животъ в нищети»). Поэтому Даниил «вопиет» к князю, «одержим нищетою», с просьбой помиловать его, вернуть в свое окружение (чтобы не восплакаться ему, как Адаму, об утерянном рае) и щедро оплачивать его талант, пролить живительный дождь княжеских щедрот на землю его искусства, «художества» («Тѣмъ же вопию к тобѣ, одержимъ нищетою: помилуи мя, сыне великаго царя Владимера, да не восплачюся, рыдая, аки Адамъ рая; пусти тучю на землю художества моего»). Затем Даниил поясняет, почему он считает богатство необходимым условием расцвета своего таланта: «Зане, господине, богат мужь везде знаем есть — и на чюжеи странѣ друзи держить, а убогъ во своеи ненавидим ходить. Богат возглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облакъ, а убогии возглаголеть — вси нань кликнуть. Их же ризы свѣтлы, тѣх рѣчь честна».

После этого вновь следует страстная просьба Даниила избавить его от нищеты («Княже мои, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от устъ лвовъ»).

Находясь в опале, став нищим, Даниил уподобился неогороженному дереву, растущему при дороге, у которого обрубают ветви: он всеми обижаем, потому что не защищен страхом княжеского наказания за нанесенные ему обиды («Азъ бо есмь, княже, аки древо при пути: мнозии бо посѣкають его и на огнь мечють; тако и азъ всѣм обидимъ есмь, зане [не [17]] ограженъ есмь страхом грозы твоеа»).

Перенося многочисленные беды, пишет далее Даниил, человек погибает, как часто расплавляемое олово. Всякий человек умен и мудр, рассуждая о чужой беде, а о своей не может здраво рассудить. Поэтому тот, кто поможет человеку, попавшему в беду, как студеной водой напоит его в жаркий день («Яко же бо олово гинеть, часто разливаемо, тако и человѣкъ, приемля многия бѣды. Никто же может соли зобати, ни у печали смыслити. Всякъ бо человѣкъ хитрить и мудрить о чюжеи бѣди, а о своеи не можеть смыслити. Аще кто в печали человѣка призрит, какъ студеною водою напоить во зноиныи день»).

Князь многих поддерживает своей милостью, защищает сирот и вдов, обижаемых вельможами, поэтому Даниил надеется, что и ему князь не откажет в просьбе: пришлет послание, вновь приблизит к себе («Птица бо радуется весни, а младенець матери; весна украшаеть цвѣты землю, а ты оживляеши вся человѣкы милостию своею, сироты и вдовици, от велможь погружаемы. Княже мои, господине! Яви ми зракъ лица своего, яко гласъ твои сладокъ, и образ твои красенъ; мед истачають устнѣ твои, и послание твое — аки раи с плодом»).

---

[16] «Ми» является здесь, вероятно, не местоимением, а усилительной частицей, dativus ethicus (на что указывал еще А. И. Лященко), в связи с чем нельзя на основании этого слова делать вывод о беседе автора с Ростиславом. О частице «ми» см.: Павлик Я. Дальнейшее восточнославянское народнопоэтическое соответствие одному месту «Слова о полку Игореве» (что ми шумить, что ми звенить) // Scando-Slavica. 1985. Bd 31. S. 93—107; Алексеев А. А. Dativus ethicus в «Слове о полку Игореве» (рукопись).

[17] В данном случае при глаголе «ограженъ» требуется по смыслу частица «не», отсутствующая во всех списках «Слова», но имеющаяся в тексте Ундольского списка «Моления» и во всех списках первой переделки «Моления». С палеографической точки зрения пропуск «не» после «зане» вполне понятен, такие случаи постоянно встречаются, как указал академик В. М. Истрин (Был ли «Даниил Заточник» действительно заточен? // Летопись ист.-филол. об-ва при Новороссийском ун-те. Одесса, 1902. Т. 10. С. 64).

Сопоставляя далее свою нищенскую жизнь с роскошью князя, Даниил стремится еще раз ярко, наглядно обрисовать то бедственное положение, в котором он оказался («Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлѣбъ ядуща; или пиеши сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена; егда лежиши на мяккых постелях под собольими одѣялы, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми, аки стрѣлами, сердце пронизающе»).

Описав свое бедственное положение и высказав князю просьбу избавить его от нищеты, взяв на службу в дружину, Даниил аргументирует далее свою просьбу.

Прежде всего он обосновывает необходимость для князя многочисленной дружины, обращается к князю с просьбой-советом быть щедрым, брать на службу неимущих, раздавая им золото и серебро («Да не будет, княже мои, господине, рука твоа согбена на подаяние убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманиемъ твоего дому истощити. Яко же бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздаваи людем. Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть; тако и *князь*[18] многими людми честенъ и славенъ по всѣмъ странам. Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго и показа им множество злата и сребра, — они же рѣша: нашь царь богатѣи тебе не множеством злата, но множеством воя, зане мужи злата добудуть, а златом мужеи (не) добыти»).

Далее рисуется образ «доброго» князя — мудрого военачальника и правителя, щедрого господина, отца многим. Именно такому предпочитают служить дружинники. Это и совет князю, и одновременно тонкая похвала ему («Дивиа за буяном кони паствити; тако и за добрымъ князем воевати. Многажды безнарядиемъ полци погибають. Видих: великъ звѣрь, а главы не имѣеть; тако и многи полки без добра князя. Гусли бо страяются персты, а тѣло основается жилами, а *дубъ крѣпится* множеством корениа; тако и градъ нашь — твоею дръжавою. Зане князь щедръ отець есть слугамъ многиим; мнозии бо оставляють отца и матерь, к нему прибѣгают. Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится болшеи роботы. Зане князь щедръ — аки рѣка, текуща без бреговъ сквози дубравы, напаяюще не токмо человѣки, но и звѣри, а князь скупъ — аки рѣка въ брезѣх, а брези камены: нѣлзи пити, ни коня напоити»).

Вслед за этим советом князю и одновременно тонкой, умелой и к месту вставленной похвалой ему следует похвала Даниила самому себе. Посоветовав князю брать на службу «нища мудра», а не «богата несмыслена» и объяснив, почему, Даниил просит обратить внимание на него: он нищ, но разумом обилен, молод, но стар разумом, — мысль его парит, словно орел по воздуху («Господине мои! Не лиши хлѣба нища мудра, ни вознесе до облакъ богата несмыслена. Нищь бо мудръ — аки злато в кални судни; а богат красенъ и не смыслить — то аки паволочито изголовие, соломы наткано. Господине мои! Не зри внѣшняя моя, но возри внутреняя моа. Азъ бо... одѣниемъ оскуденъ есмь, но разумом обиленъ. Унъ възрастъ имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ. Бых мыслию паря, аки орелъ по воздуху»).

Далее Заточник перечисляет те функции, которые он мог бы выполнять, будучи княжеским дружинником. Прежде всего он говорит о своем таланте слагать славы, хвалебные песни, которые «слажше меду» и которые, если князь вновь пожелает его слушать, он «накаплет» ему («Но постави сосуд скуделничь под *потокъ* капля языка моего, да накаплють ти слажше меду

[18] В ркп. «ты, княже». Испр. по остальным спискам «Слова». Речь в данном фрагменте идет не о конкретном князе, адресате послания, а о князьях вообще.

словеса устъ моих. Яко же Давидъ рече: сладка сут(ь) словеса твоя, паче меда устомъ моимъ»).

Прекрасно справится Даниил и с обязанностями посла, поскольку, будучи посланным с поручением, он, «мудрый муж», в отличие от «безумного», будет думать о деле, а не о пире, не о застолье («Мужа бо мудра посылаи — и мало ему кажи, а безумнаго посылаи — и самъ не лѣнися по немъ ити. Очи бо мудрых желают благых, а безумнаго — дому пира»).

Рассуждая о «добрых» и «лихих» думцах, Даниил пытается убедить князя в том, что, благодаря своей мудрости, он будет «добрым» советником, с помощью которого князь сможет добыть «высока стола» («Господине мои! То не море топить корабли, но вѣтри; не огнь творить ражежение желѣзу, но надымание мѣшное; тако же и князь не самъ впадаеть въ вещь (в ошибку. — *Л. С.*), но думци вводять. З добрымъ бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихимъ думцею думая — меншего лишенъ будеть»).

Изложив свою просьбу взять его на службу в княжескую дружину и аргументировав ее, Даниил, как это было принято в посланиях, опровергает «противные доводы». Он приводит предполагаемый ответ адресата: «Или ми речеши: женися у богата тьстя чти великиа ради; ту пии и яжь». В ответ на это предположение путем женитьбы на богатой получить избавление от нищеты Даниил Заточник отвечает: «Ту лѣпше ми волъ буръ вести в дом свои, нѣже зла жена поняти. Волъ бо ни молвить, ни зла мыслить, а зла жена бьема бѣсѣться, а кротима высится; въ богатествѣ гордость приемлеть, а (в) убожествѣ иных осужаеть».

В заключительной части семантемы (строфы XXVI—XXVIII) Даниил касается трех тем. Во-первых, он сообщает об источниках своих знаний, разума, «сладости словесной» («Азъ бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цвѣтом, совокупляя медвеныи сотъ; тако и азъ, по многим книгамъ исъбирая сладость словесную и разум, и съвокупих, аки в мѣх воды морскиа»). Это общее место посланий, такой же композиционный топос, как и сменившая его позднее «формула смирения». Если в позднем средневековье авторы будут говорить о своем самообразовании в самоуничижительном тоне, то Даниил в XII в. рассматривает это как свое достоинство, как признак развитого ума.

Во-вторых, Даниил напоминает о том, что достоинство речи — краткость (обязательный композиционный топос), и, в-третьих, выражает надежду на то, что перестанет расточать свое «богатство», раздавать его бесплатно неимущим; он просит у князя, по словам Д. С. Лихачева, «платы за свои „слова“, за свое „глаголание“, за свой „ум“, который считает богатством» [19] («Да уже не много глаголю. Да не буду аки мѣх утелъ, роня богатство в руци неимущим. Да не уподоблюся жорновом, яко тии многи люди насыщают, а сами себе не могут насытитися жита. Да не възненавидим буду миру со многою бесѣдою, яко же бо птиця, частяще пѣсни своя, скоро възненавидима бываеть. Глаголеть бо в мирскых притчах: рѣчь продолжена — не добро, добро — продолжена паволока»).

Концовка послания, клаузула (строфа XXIX) представляет собой молитвенное пожелание всевозможных благ адресату: «Господи! Даи же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову. И умножи, Господи, вся человѣкы под *руку* [20] его. Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣк».

---

[19] Лихачев Д. С. Моление Даниила Заточника. С. 250.
[20] В ркп. «под нози». Испр. по др. спискам.

* * *

Предложенная интерпретация текста показывает, что ошибочным является мнение некоторых исследователей, будто «за общими рассуждениями о том и о сем» в «Слове» невозможно «проглядеть личность автора»[21] Несмотря на абстрагированность послания Даниила, его «деконкретизацию», оно позволяет составить довольно ясное представление об авторе, причине, побудившей его обратиться к князю, и той цели, которую преследует послание. Из «Слова» ясно, что Даниил в прошлом — приближенный новгородского князя Ярослава Владимировича, с перерывами княжившего в Новгороде с 1182 по 1199 г.[22] Беспристрастность и независимость суждений Даниила, проявившиеся, вероятно, в слишком дерзких словах, обращенных к князю (возможно, послании), стали причиной опалы придворного ритора, его ссылки. Всеми покинутый, преследуемый нищетой, он обращается к князю с просьбой помиловать его и вернуть в свою дружину. Даниил претендует на ту же роль в княжеском окружении, которую он играл до своего изгнания, — члена старшей дружины, княжеской думы, а точнее — княжеского советника (думца), посла и песнетворца (возможно, шире — придворного сочинителя: поэта, ритора, составителя посольских и иных грамот, писем и т. д.). Это были не три разные «профессии», а три функции одного человека, требовавшие от него одних и тех же качеств: мудрости и дара художественного слова, красноречия, умения убеждать. Известно, что у славян, степных кочевников и на Западе певцы были одновременно и княжескими послами,[23] поскольку успех дипломатической миссии часто зависел от красноречия, умения убеждать. К тому же певцов древние наделяли магическими свойствами, умением очаровать, обаять. В Бертинских анналах под 839 г. говорится о трех славянских певцах, не имевших с собой ничего, кроме гуслей, и отправленных своим князем в качестве послов к византийскому императору Феофилу.[24] Ипатьевская летопись под 1201 г. рассказывает о певце, которого половецкий хан Отрок отправляет к хану Сырчану с целью убедить его вернуться на Родину. «Молви же ему словеса, пой же ему песни половецкия. Оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ».[25] В связи с типологической общностью скальдов и славянских певцов типа Бояна, общепризнанной в настоящее время, важно отметить, что придворные скальды являлись дружинниками конунга, прославлением которого не ограничивался круг их обязанностей. В частности, они также исполняли посольские миссии.[26]

Идентичную роль играли при дворах правителей риторы, философы. Так, византийский ритор и философ XII в. Михаил Пселл, славившийся своей образованностью и красноречием, был советником при дворе императора, исполнял посольские поручения, составлял послания от лица императора, славился своим речами, в том числе панегириками правителю. В

---

[21] Гуссов В М К вопросу о редакциях «Моления» Даниила Заточника // Летопись ист -филол об-ва при Новороссийском ун-те Одесса, 1900 Т 8 С 5

[22] Называя Ярослава Владимировича сыном «великого царя Владимира», Даниил мог иметь в виду как Владимира Мономаха, потомком которого Ярослав Владимирович являлся (слово «сын» употреблялось и в значении «потомок»), так и отца Ярослава Владимировича — Владимира Мстиславича, который, пусть недолго, но все же сидел на киевском столе, а значит, мог быть назван «великим князем (царем)»

[23] Щепкина М В О личности певца «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ М , Л , 1960 Т 16 С 77—78

[24] Тихомиров М Н *Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца* XVIII в М , 1940 Т 1 С 25

[25] ПСРЛ СПб , 1843 Т 2 С 155

[26] Адмони В Г Скальды при дворе конунгов // ТОДРЛ Л , 1985 Т 38 С 506—508

связи с судьбой Даниила Заточника интересно, что Пселл просил прощения у претендента на престол Исаака Комнина за то, что говорил с ним «слишком свободно», то есть дерзко (ср. «буесть» Даниила).[27]

Что касается судьбы Даниила, постигшего ритора наказания и его причины, то в качестве аналогии можно указать на судьбу византийского хрониста и поэта XII в. Михаила Глики. Он написал императору Мануилу Комнину письмо, в котором в иносказательной форме осуждал, даже высмеивал его чрезмерное увлечение астрологией и гаданием. Своей дерзостью Глика навлек на себя гнев адресата и был сослан в Нумерию. Из заточения он написал императору стихотворное прошение о помиловании, в котором описывал свое тяжелое положение, доказывал свою невиновность и просил о милости.[28]

Кто такой Даниил — историческая личность или вымышленный персонаж, от имени которого написано фиктивное послание, — решить трудно. В Византии, например, фиктивные, литературные письма не были редкостью. Однако А. И. Лященко считал невозможным появление на Руси XII—XIII вв. произведения, основанного на вымышленном событии и составленного от имени неизвестного лица.[29] Во всяком случае летописцы, сообщающие под 1378 г. о священнике, сосланном в заточение на Лаче озеро, замечают: «идѣ же бѣ Данило Заточник», то есть верят в реальность последнего, если даже основываются на тексте «Слова».

Но как бы там ни было, можно говорить об «образе автора». Каким он предстает перед нами в реконструированном первоначальном виде «Слова»?

Даниил молод («унъ възрастъ имѣю»), но при этом отличается умом и начитанностью. Он цитирует Священное Писание, Пчелу, Повесть об Акире Премудром, летопись и другие памятники.[30] Автор послания искусно владеет пером, сплетая «чужие слова» в оригинальное и цельное сочинение. Он прекрасно знает правила того жанра, в котором создает свое произведение, и следует им. Даже будучи в опале, Даниил исполнен достоинства. Он гордится своим умом и талантом, которые считает богатством. Несмотря на нищету, повергающую его в отчаяние, Даниил отказывается каяться в поступке, за который он подвергся опале, так как считает его проявлением своей беспристрастности и прямоты. В нем нет подобострастности. Послание князю он пишет «тоном человека, ни мало не унижающегося, вполне сознающего свое достоинство».[31] Похвалы князю «проникнуты какою-то искренностию, чуждою лести... Да и всей челобитной придан такой оборот, что князь вредит сам себе, сам лишает себя полезного человека, оставляя Даниила в изгнании».[32]

Даниил Заточник —«своего рода „интеллигент“ Древней Руси».[33] Это была, по словам В. Г. Белинского, «одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредст-

---

[27] Безобразов П. В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890. С. 62—64, 70, 192—193 и др.

[28] Фрейберг Л. А. Михаил Глика (1-я половина XII в.) // Памятники византийской литературы IX—XIV вв. М., 1969. С. 243—244.

[29] Лященко А. О Молении Даниила Заточника. СПб., 1896. С. 20—21.

[30] Об источниках «Слова» см., например: Бессонов П. В. Несколько замечаний... С. 389—416; Шляпкин И. А. Слово Даниила Заточника. СПб., 1899. С. 71—81 (ПДПИ. Вып. 81); Миндалев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914. С. 238—339. Приложение. С. III—XXX.

[31] Миллер О. Ф. Опыт исторического обозрения русской словесности. 2-е изд., передел. и доп. СПб., 1865. Ч. 1, вып. 1. С. 379.

[32] Там же. С. 378—379.

[33] Лихачев Д. С. Моление Даниила Заточника. С. 255.

16 Зак 3021

венность; которых сердце болит и снедается ревностью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше бы молчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят, потом сживают со свету и, наконец, уморивши, снова начинают хвалить».[34]

II

Обратимся теперь к дошедшему до нас тексту «Слова». Он является, по моему мнению, особой редакцией «Слова» Даниила Заточника, поскольку позднейшие добавления, значительно расширившие авторский текст, изменили жанровую природу произведения.

В тексте дошедшей до нас редакции «Слова» (назовем ее Пространной) обнаруживается девять вставок в реконструированный первоначальный текст «Слова». При публикации «Слова» в приложении к данной статье они обозначены римскими цифрами: I—IX. Отдельные фрагменты внутри вставки обозначаются арабскими цифрами и разделяются звездочками. Подборки пословиц считаются за один фрагмент и отделяются друг от друга отточиями.

Вставки развивают дополнительными афоризмами и пословицами затронутые автором популярные в древнерусской литературе темы: «богатство и бедность» (вставка I), «человек в печали» (вставка II), «князь и дружина» (вставка III), «щедрый и скупой господин» (вставка IV, 1), «сладость словесная» (вставка V), «умные и безумные» (вставки VI, 1 и IX), «злые жены» (вставки VII, VIII).

В одном случае вставка разрабатывает имеющийся в авторском тексте воображаемый диалог автора с адресатом (композиционный топос): к одному предполагаемому совету князя выбраться из нищеты добавлены еще три и возражения автора на них (вставка VI, 2).

При анализе выделенных фрагментов вначале показывается их вторичность в тексте. Доказательством вторичности того или иного фрагмента для меня является нарушение им стройной, тщательно продуманной структуры реконструированного авторского текста: последовательности и логичности изложения, композиционной стройности, ритмико-строфической организации, стилевого единства, определенного соотношения объема отдельных частей текста и др.

Рассмотрим теперь последовательно все девять вставок в первоначальную редакцию «Слова».

Вставка I (внутри строфы IX) представляет собой афоризм, приписываемый Соломону. О вторичности данного фрагмента свидетельствует прежде всего то, что он нарушает логику авторской мысли. Лучше смерть, чем жизнь в нищете, считает Даниил. Поэтому он обращается к князю с просьбой избавить его от нищеты, пролить на него дождь изобилия (см. строфу IX). Вторая мысль тесно связана с первой, логично вытекает из нее. Ссылка же на слова Соломона, разбивающая этот текст, противоречит мысли, выраженной первой фразой и лейтмотивом проходящей по всему посланию: нищета — беда, богатство — благо. По словам Соломона, одинаковой бедой является как нищета, так и богатство. После этого нелогичным выглядит обращение Даниила к князю с просьбой о туче, несущей дождь княжеских щедрот, и противопоставление им жизни богатых — жизни бедных.

Текстологическое сопоставление данного фрагмента с соответствующей цитатой из Притч Соломона, из «Пчелы» и из «Моления» по Ундольскому и Чудовскому спискам убеждает в том, что из Притч Соломона цитата попала в «Пчелу», из «Пчелы» была заимствована в «Моление» (Ундольский

[34] Белинский В. Г. Русская народная поэзия // Отеч. зап. 1841. Ч. 19, № 11. С. 19—20.

список дает чтение более раннее, чем Чудовский) и из «Моления» внесена в «Слово». Для наглядности приведу текст цитаты по всем названным произведениям.

Пр. Сол. (30, 8—9): «Богатства же и нищеты не даждь ми: устрой же ми потребная и самодоволная. Да не насыщся ложь буду и реку: кто мя видит? Или обнищавъ, украду и кленуся именемъ Божиим».

«Пчела» (1-я ред.): «Соломонъ рече. Богатьства, ни убожьства не дажь ми, Господи, но створи мя яко подобна и удобна. Егда когда насытивъся ложь буду и рьку: и кто мя видит? Или украду, убожавъ, и покленуся именемъ Божиимъ».

«Моление» (Унд. список, § XLIV): «Сего ради Соломонъ глаголеть: богатства, ни убожества не даи же ми, Господи: обогатѣв, восприиму гордость и буесть, а во убожествѣ помышляю на татбу и на розбои; *убожество мужа подвигнет на татбу, а жену на блядню*».

«Моление» (Чуд. список, § XLIV): «Сего ради Соломонъ глаголетъ: богатьства и убожества не даи же ми, Господи: обогатѣв, восприиму гордость и буесть, а во убожествѣ помышляю на татбу и на розбои, *а жены на блуд*».

«Слово»: «Яко же бо Соломонъ рече: ни богатества ми, ни убожества, Господи, не даи же ми. Аще ли буду богатъ — гордость восприиму, аще ли буду убогъ — помышляю на татбу и на разбои, *а жены на блядню*».

Как видим, при включении афоризма Соломона в «Пчелу» слова «нищета» и «обнищав» были заменены на «убожьство» и «убожавъ». «Моление» в этом смысле следует за «Пчелой». При включении данной цитаты в «Моление» была добавлена фраза, лучше сохранившаяся в списке Ундольского (выделена курсивом). В Чудовском списке эта добавленная фраза уже сокращена до слов: «а жены на блуд». Именно в такой форме находим ее в «Слове». Но в другом разночтении двух списков «Моления» (на блядню — на блуд) «Слово» совпадает со списком Ундольского.

Вставку II (внутри строфы XIII) составляют три пословицы на тему «человек в печали»: «Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми. Пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ являеть, а в печали человѣкъ обрѣтаеть умъ свръшенъ. Молеве, княжи, ризы ѣдять, а печаль человѣка, печалну бо мужу засышють кости». В Академическом списке «Слова» читается «злато съкрушается», однако первоначальным было чтение «искушается», которое дают все остальные списки «Слова» и списки всех других произведений цикла. Такое же чтение дает и «Пчела».

О том, что приведенные пословицы добавлены в текст позднее, говорит нарушение ими логичности и последовательности авторской мысли. Фрагмент, в который они вставлены, содержит логическое умозаключение, состоящее из первой посылки (многие беды губят человека), второй посылки (человек в беде лишается способности здраво рассуждать и потому не может сам выбраться из бед) и вывода, заключения (находящемуся в беде человеку необходима помощь, она для него — как для жаждущего студеная вода в знойный день). Внесенные пословицы развивают тему первого суждения (но при этом две из них противоположны ему по смыслу), а поставлены после второго, нарушая ход авторской мысли, логику силлогизма. Кроме того, две первые пословицы противоречат, как уже отмечалось, авторской мысли. Касаясь одной из них, П. Миндалев отметил, что здесь позднейшая вставка до очевидности ясна: не мог же Даниил забыться до того, чтобы противоречить самому себе, утверждая, с одной стороны, что «никто не может ... у печали смыслити», а с другой — что «в печали обрѣтаеть человѣкъ умъ свръшенъ».[35] Первая пословица также противоречит авторскому вы-

[35] Миндалев П. Моление Даниила Заточника... С. 140.

сказыванию Даниила: она утверждает, что человек проверяется (искушается) напастями. Вероятно, заметив это, переписчик Академического списка и заменил «искушается» на «съкрушается».

На мой взгляд, три указанные пословицы внесены в «Слово» из «Моления». В «Молении» первые две пословицы входят в § LXIII (см. издание Н. Н. Зарубина), а третья — в § XLIX. Этот последний соответствует § XVI в «Слове» (у нас — строфа XIII) и содержит ту же мысль: печаль губит человека. В § LXIII «Моления», которому нет соответствия в «Слове», Псевдо-Даниил, часто полемизирующий с Даниилом, развивает противоположную мысль: печаль делает человека опытнее, мудрее. Редактор, дополнявший текст «Слова» текстом «Моления» (то есть составитель Сводной редакции), взял одну пословицу из § XLIX и две из § LXIII, поместив их вместе в строфу XIII «Слова» (по Зарубину — § XVI).

Вставка III (после строфы XVII) содержит ссылку на слова Святослава Игоревича, обращенные к дружине. О вторичности этого фрагмента свидетельствует его противоречие авторской мысли. Даниил убеждает князя в необходимости иметь большую дружину, устами же Святослава утверждается, что в битве исход дела решает не количество воинов, а Божье произволение.

Источником ссылки на слова Святослава послужил, вероятно, текст Никоновской летописи под 1138 г.: «Князь же Святослав Олговичь, сынъ Олговъ, стоявъ, и недоумѣвся, рече: лутши есть уповати на Бога, неже пролити кровь з братьею своею; отъ Бога бо возможна вся, и той управитъ, якоже хощетъ». Здесь речъ идет о князе XII в. Святославе Ольговиче. В текстах «Слова» и «Моления» летописная запись существенно переработана. Князь назван Святославом, но подразумевается при этом Святослав Игоревич (X в.), сын Ольги, речь идет о походе на Царьград с малою дружиною, к которой и обращена его речь. Летописный текст лучше передан в «Слове». В «Молении» он значительно расширен. Кроме того, в «Слове» лучше передано заимствование из Псалтири (124, 1): «Надѣющиися на Господа, яко гора Сионъ: не подвижится въ вѣкъ».

Приведу текст рассматриваемого фрагмента по «Слову» и «Молению».

«Слово»: «Яко же рече Святославъ князь, сынъ Ольжинъ, ида на Царьград с малою дружиною, и рече: братиа, намъ ли от града погинути или граду от нас пленену быти? Яко же Богъ повелить, тако будеть: поженет бо единъ сто, а от ста двигнется тма. *Надѣяся на Господа, яко гора Сионъ не подвижится въ вѣки*».

«Моление» (Чуд. список, § XXII): «Яко же рече Святослав, сынъ Олжинъ, идя на Царьград малою дружиною, и рече: не вѣдомо ны есть, братие, граду ли от насъ пленену быти, или будеть нам от града погибнути. Аще Богъ по нас, кто на ны? Рече бо: поражю и паки сотворю; воздвижю брани, уставлю миръ. Нѣсть храбрства, ни думы противу мнѣ. Всяко слово смерть и живот, но мышцею моею уповають вся страны. Яко же азъ реку, тако и будеть: повелю бежати, и побегуть; повелю гнати, то гонят. Поженет единъ сто, а сто подвигнет тму. *Надѣяся на Мя, яко гора Сион не подвижется во веки*».

Таким образом, текстологическое сопоставление «Слова» и «Моления» дает основание полагать, что данный фрагмент был внесен в текст «Слова» до его переработки Псевдо-Даниилом в «Моление».

Вставка IV (после строфы XIX) состоит из двух фрагментов. Первый фрагмент развивает тему о щедром и скупом господине: сказанное о князе перефразируется по отношению к боярину («А бояринъ щедръ — аки кладяз сладокъ при пути: напаяеть мимоходящих. А бояринъ скупъ — аки кладязь сланъ»). Рассуждения о щедром и скупом боярине явно неуместны в тексте,

цель которого — убедить князя иметь большую дружину и быть щедрым к своим слугам. Во втором фрагменте говорится об опасности соседства с правителем, что представляется уже просто нелепым в послании к князю. Получается, что Даниил советует князю не иметь села поблизости от села ... князя («Не имѣи собѣ двора близъ царева двора и не дръжи села близъ княжа села: тивунъ бо его — аки огнь, трепетицею накладенъ, и рядовичи его — аки искры. Аще от огня устережешися, но от искоръ не можеши устеречися и сождениа портъ»). Показательно, что ни в одном из остальных памятников цикла двух этих фрагментов нет. Следовательно, вставка была сделана после того, как на основании «Слова» были созданы его переработки.

Оба эти фрагмента вместе с афоризмом, который они развивают (о щедром и скупом князе), находим в «Пчеле» второй редакции (П. Бессонов указывает на «Пчелу» Сахарова, где есть все три высказывания [36]). Однако трудно решить однозначно, кто у кого заимствовал в данном случае. Поскольку в списках «Пчелы» второй редакции, источником которой был и *текст Даниила, афоризм первоначального текста (о князе) стоит рядом* с афоризмом, добавленным в «Слово» позднее, можно думать, что в «Пчелу» они внесены из «Слова».

Вставка V (после строфы XXII) представляет собой искаженный афоризм Соломона. Две части этой фразы синтаксически противопоставлены друг другу, а по смыслу не связаны одна с другой; первая утверждает, что добрые слова приятны, сладки для души, а вторая — что уныние, печаль — удел «безумных». Данное обстоятельство позволяет думать, что эта фраза принадлежит не Даниилу Заточнику, создавшему совершенный, до мелочей продуманный текст, а одному из книжников, дополнявших текст «Слова».

Текстологическое сопоставление «Слова» и «Моления» с привлечением Притч Соломона и «Пчелы» второй редакции, содержащих данный афоризм, показывает, что текст «Моления» ближе к тексту Притч, чем «Слово». «Пчела» второй редакции включает оба варианта афоризма.

Пр. Сол. (16, 24): «Сотове медовнии — словеса добрая: сладость же их — исцеление души».

«Моление» (Унд. список, § LII): «Соломон рече: устове (искаж. «сотове») медвени — словеса добрая: сладость их — гоило души; *уста праведнаго искаплют премудрость, печал сердцу душа безумных*».

«Слово»: «Ибо Соломон рече: словеса добра сладостью напаяють душу, *покрываеть же печаль сердце безумному*».

«Пчела» (2-я ред.): «Сотове медвении — словеса добрая; сладость же ихъ — исцеление души и тѣлу здравие почитающи словеса Божия... Словеса добрая сладость души и тѣлу, *покрываютъ печали сердцу*».

Вероятно, литературная история цитаты такова: автор «Моления» заимствовал ее из притч Соломона, прибавив к ней еще один афоризм. Из «Моления» цитата в переработанном виде была внесена в «Слово». В «Пчеле» данный афоризм приведен и в том, и в другом варианте, но оба варианта подверглись изменению. В варианте «Слова», например, удачно исправлена по смыслу вторая часть. Атрибуции афоризма Соломону здесь нет.

Вставка VI (после строфы XXIII) состоит из двух фрагментов, внесенных в текст «Слова» одновременно, одним редактором. Первый фрагмент — это подборка пословиц и скоморошины об умных и безумных. О вторичности данного фрагмента говорит следующее. Предшествующий ему текст содержит противопоставление мудрых княжеских послов и «безумных» посланников. Это должно сказать адресату, что Даниил, будучи мудрым, принесет пользу князю как посол. Редактор не понял, вероятно, смысла данной

[36] Бессонов П. В. Несколько замечаний... С. 406.

фразы, увидел в ней простое противопоставление умных и безумных и добавил еще ряд пословиц на эту тему, большинство из которых говорит о невозможности научить безумных, о бесполезности наставлять их. О вторичности включенных в текст пословиц говорят и нарушение ими строфической организации текста, и стилистическая сниженность, чуждая авторскому тексту «Слова».

По моему мнению, данная подборка пословиц составлена на основании двух фрагменов «Моления»: § LIV—LV (откуда взяты первые три пословицы) и § LXII (откуда взяты остальные пять).

Второй фрагмент вставки VI содержит своеобразный «диалог» автора послания с адресатом. Подобного рода диалог — «общее место» эпистолярных памятников. Цель его — предугадать возможный ответ адресата и оспорить его. Рассматриваемый фрагмент является развитием, разработкой диалога, имеющегося в авторском тексте Даниила (см. предполагаемый совет князя жениться на богатой и возражение на него).

Вторичность данного фрагмента выдает прежде всего занимаемое им в тексте место: вкупе с пословицами о безумных диалог вклинивается в перечисление автором тех функций, которые он готов исполнять при князе, тогда как в посланиях подобные «диалоги» помещаются после изложения автором своей просьбы, как это сделано в авторском тексте Даниила.

Еще более серьезным свидетельством вторичности данного «диалога» является вносимая им дисгармония в «образ автора». Если в «Слове» перед нами человек, вполне сознающий и даже подчеркивающий свое достоинство, чему способствует и книжный стиль его послания, то в привнесенном «диалоге» господствует холопский тон, которому соответствует сниженный стиль скоморошин.

Оба фрагмента VI вставки были, вероятно, внесены в текст «Слова» одновременно, их скрепляет тема безумия: после пословиц об умных и безумных идет «диалог» с адресатом, начинающийся с опровержения автором своего безумия.

Вставка VII (после строфы XXIV) содержит два высказывания о женщинах. Об их вторичности в тексте «Слова» свидетельствует прежде всего занимаемое ими место: они стоят не после предполагаемого совета князя жениться на богатой, ответом на который, по сути дела, являются, а перед ним. Это говорит о том, что данный фрагмент был внесен в «Слово» уже тогда, когда оно перестало восприниматься как личное послание, а стало рассматриваться как сборник изречений на разные темы. При таком отношении к тексту переписчику было неважно, куда приписать добавленные им изречения о женах — в конец или в начало подборки, до предугадываемого совета князя или после него. Ведь сам предполагаемый совет князя жениться на богатой с ответом на него расценивался тоже как одно из высказываний о женах, а потому и был внесен в «Пчелу» второй редакции.

О вторичности рассматриваемых фрагментов свидетельствует и то, что оба высказывания не соответствуют ритму «Слова». Первое высказывание ритмично, но это ритм не «Слова», а скоморошины. Второе высказывание является прозой, хотя и своеобразно организованной, рассчитанной на произнесение вслух, — это отрывок из поучения, ораторской прозы.

Оба эти фрагмента присутствуют в «Молении», где они стоят *после* предполагаемого совета князя жениться на богатой и ответа на него. Скомороший стиль этих фрагментов убедительно свидетельствует о том, что именно из «Моления» были заимствованы они в «Слово».

Вставка VIII (после строфы XXV) самая большая по объему, она занимает почти одну шестую текста «Слова», в связи с чем в конце этой вставки редактор вынужден был отметить: «Еще возвратимся на предняя словеса». Это уже

само по себе ставит под сомнение принадлежность данного фрагмента авторскому тексту «Слова». П. Миндалев, считавший этот фрагмент вставкой, отметил, что он «состоит из отдельных кусков, соединенных механически, ...даже с нарушением логической последовательности».[37] Вторичность этой подборки высказываний о злых женах выдает и характер использования в ней цитат. В отличие от Даниила, у которого все скрытые цитаты «прочувствованы, продуманы, прожиты, усвоены, сообразованы»,[38] органично вплетены им в ткань своего повествования, подчинены авторской мысли, редактор, внесший вставку о злых женах, не обрабатывает заимствования, они сохраняют следы своего источника — поучения, обращенного к «братии», «мужам», «женам», тогда как «Слово» Даниила Заточника построено на обращении к князю. Серьезным доказательством того, что всей этой подборки не было в первоначальном тексте «Слова», является то, что в «Молении» и его переработках она полностью отсутствует. Следовательно, в текст «Слова» эта подборка была добавлена после того, как на его основе было создано «Моление».

Вставка IX (внутри строфы XXVII) невелика по объему: «Не отмѣтаи безумному прямо безумию его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану с нимъ много глаголати». По словам П. Миндалева, этого фрагмента не могло быть в авторском тексте, так как в противном случае князь, которому адресовано послание, мог бы понять эти слова как намек на собственное безумие.[39] Этот фрагмент отсутствует во всех остальных произведениях цикла, нет его и в списках «Слова», опубликованных В. Ф. Покровской и М. Н. Тихомировым.

Подведем итог сказанному.

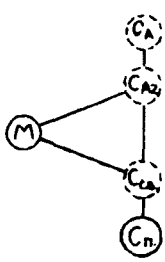
Рассмотренные вставки были внесены в первоначальный текст «Слова», по всей вероятности, в несколько этапов.

Вставка III добавлена в «Слово», видимо, до того, как на его основе было создано «Моление». В результате этого добавления возник второй вид Авторской редакции «Слова».

Вставки I, II, V, VI, VII внесены, как представляется, одним редактором из текста «Моления». Образовавшуюся в результате этого редакцию «Слова» можно назвать Сводной.

На следующем этапе распространения текста «Слова» дополнительными гномами были добавлены, вероятно в разное время, вставки IV, VIII, IX, отсутствующие во всех остальных произведениях цикла, а вставка IX даже в некоторых списках «Слова». После внесения в текст этих вставок, среди которых и обширная подборка о злых женах, возникла редакция «Слова», которую можно назвать Пространной.

Основные этапы литературной истории «Слова» Даниила Заточника можно отразить следующей стеммой:



Условные обозначения:

C_A. —Авторская, первоначальная редакция «Слова».
C_{A2} —Авторская редакция «Слова» с дополнением (вставка III).
$C_{св.}$ —Сводная редакция «Слова».
Сп. —Пространная редакция «Слова».
М —«Моление».

[37] Миндалев П. Моление Даниила Заточника... С. 144.
[38] Бессонов П. В. Несколько замечаний... С. 392.
[39] Миндалев П. Моление Даниила Заточника... С. 146.

Таким образом, литературная история «Слова» Даниила Заточника шла по пути превращения его в произведение типа «словес избранных» на различные назидательные темы. «Слово» оказалось перегружено цитатами, афоризмами и утратило характер личного послания.

Внесенные в авторский текст добавления изменили до неузнаваемости первоначальный текст, нарушив однородность его языка и стиля, продуманность композиции, строгую ритмико-строфическую структуру.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Слово Данила Заточеника, еже написа своему князю, Ярославу Володимеровичю

I

1 Въструбимъ, яко во златокованыя трубы, в разумъ ума своего
2 И начнемъ бити в сребреныя арганы *возвития* [1] мудрости своеа.
3 Въстани, слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех!
4 Востану рано, исповѣмъ ти ся;
5 Да разверзу въ притчах гаданиа моя и провѣщаю въ языцѣх славу мою.
6 Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою и мудростию.

II

1 Бысть языкъ мои — трость книжника-скорописца,
2 И увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость.
3 Сего ради покушахся написати всякъ съузъ сердца моего
4 И разбих злѣ, аки *древняя* [2] младенца о камень.
5 Но боюся, господине, похулениа твоего на мя:
6 Азъ бо есмь аки она смоковница проклятая, —
7 Не имѣю плода покаянию.

III

1 Имѣю бо сердце — аки лице безъ очию,
2 И бысть умъ мои — аки нощныи вранъ на нырищи.
3 Забдѣх — и расыпася животъ мои, аки ханаонскыи царь, буестию,
4 И *покры* мя нищета, аки Чермное море фараона.
5 Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего,
6 Аки Агарь рабыни от Сарры, госпожа своея.

IV

1 Но видих, господине, твое добросердие к собѣ
2 И притекох къ обычнеи твоеи любви.
3 Глаголеть бо въ Писании:
4 Просящему у тебе даи, толкущему отверзи,
5 Да не лишенъ будеши царствия небеснаго.
6 Писано бо есть:

---

[1] *В ркп.* возвитие. *Испр. по смыслу. В др. списках «Слова»*: возвѣстия, и возвѣемъ, и возвидѣ. [2] *В ркп.* древяныя. *Испр. по др. спискам.*

7 Возверзи на Господа печаль свою,
8 И тои тя препитаеть въ вѣки.

V

1 Азъ бо есмь, княже господине,
2 Аки трава блещена, растяще на застѣнии,
3 На нюже ни солнце сиаеть, ни дождь идет;
4 Тако и азъ всѣмъ обидимъ есмь,
5 Зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа,
6 Яко *плотомъ* твердым.

VI

1 Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня,
2 Но зри на мя, аки мати на младенецъ.
3 Возри на птица небесныа,
4 Яко тии не орють, ни сѣють, но уповають на милость Божию;
5 Тако и мы, господине, жалаем милости твоея.

VII

1 Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое;
2 Кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣи смолы;
3 Кому Лаче озеро, а мнѣ, на нем сѣдя, плачь горкии;
4 И кому ти есть Новъгород, а мнѣ и углы опадали,
5 Зане не процвите часть моя.

VIII

1 Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене,
2 Зане не поставих пред ними трепезы многоразличных брашенъ.
3 Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило,
4 А при напасти аки врази обрѣтаются
5 И паки помагающе подразити нози мои;
6 Очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся.
7 Тѣмъ же не ими другу вѣры, ни надѣися на брата.

IX

1 Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь:
2 Лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение;
3 Тако же и мужеви:
4 Лѣпше смерть, ниже продолженъ животъ в нищети.

Вставка I

Яко же бо Соломонъ рече:
Ни богатества,[3] ни убожества, Господи, не даи же ми.
Аще ли буду богать — гордость восприиму,
Аще ли буду убогъ — помышляю на татбу и на разбои,
А жены на блядню.

5 Тѣмъ же вопию к тобѣ, одержимъ нищетою:
6 Помилуи мя, сыне великаго царя Владимера,
7 Да не восплачюся, рыдая, аки Адамъ рая;
8 Пусти тучю на землю художества моего.

---

[3] *В ркп. далее добавлено*: ми. *Испр. по др. спискам.*

X

1 Зане, господине, богат мужь везде знаем есть, —
2 И на чюжеи странѣ друзи держить,
3 А убогъ во своеи ненавидим ходить.
4 Богат возглаголеть — вси молчат
5 И вознесут слово его до облакъ,
6 А убогии возглаголеть — вси нань кликнуть.
7 Их же ризы свѣтлы, тѣх рѣчь честна.

XI

1 Княже мои, господине!
2 Избави мя от нищеты сея,
3 Яко серну от тенета,
4 Аки птенца от кляпци,
5 Яко утя от ногти носимаго ястреба,
6 Яко овца от устъ лвовъ.

XII

1 Азъ бо есмь, княже, аки древо при пути:
2 Мнозии бо посѣкають его и на огнь мечють;
3 Тако и азъ всѣм обидимъ есмь,
4 Зане ограженъ [4] есмь страхом грозы твоеа.

XIII

1 Яко же бо олово гинеть, часто разливаемо,
2 Тако и человѣкъ, приемля многия бѣды.
3 Никто же может соли зобати, ни у печали смыслити.
4 Всякъ бо человѣкъ хитрить и мудрить о чюжеи бѣди,
5 А о своеи не можеть смыслити.

Вставка II

Злато *искушается* [5] огнемъ, а человѣкъ напастьми.
...
Пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ являеть,
а в печали человѣкъ обрѣтаеть умъ свръшенъ.
...
Молеве, княжи, ризы ѣдять, а печаль человѣка,
печалну бо мужу засышють кости.

6 Аще кто в печали человѣка призрит,
7 Какъ студеною водою напоить во зноиныи день.

XIV

1 Птица бо радуется весни, а младенець матери;
2 Весна украшаеть цвѣты землю, а ты оживляеши вся человѣкы милостию своею.
3 Сироты и вдовици, от велможь погружаемы.
4 Княже мои, господине! Яви ми зракъ лица своего,
5 Яко гласъ твои сладокъ, и образ твои красенъ;
6 Мед истачають устнѣ твои, и послание твое — аки раи с плодом.

---

[4] *По смыслу при глаголе* ограженъ *требуется частица* не, *однако отрицание* не *после* зане *часто опускалось, как указал В. М. Истрин.* [5] *В ркп.:* съкрушается. *Испр. по др. спискам.*

XV

1 Но егда веселишися многими брашны,
2 А мене помяни, сух хлѣбъ ядуща;
3 Или пиеши сладкое питие,
4 А мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена;
5 Егда лежиши на мяккых постелях под собольими одѣялы,
6 А мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа,
7 И каплями дождевыми, аки стрѣлами, сердце пронизающе.

XVI

1 Да не будет, княже мои, господине,
2 Рука твоа согбена на подаяние убогих:
3 Ни чашею бо моря расчерпати,
4 Ни нашим иманиемъ твоего дому истощити.
5 Яко же бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы,
6 Тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра,
7 Но раздаваи людем.

XVII

1 Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть;
2 Тако и *князь* [6] многими людми честенъ и славенъ по всѣмъ странам.
3 Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго
4 И показа им множество злата и сребра, —
5 Они же рѣша:
6 Нашь царь богатѣи тебе не множеством злата, но множеством воя,
7 Зане мужи злата добудуть, а златом мужеи (не)[7] добыти.

Вставка III

Яко же рече Святославъ князь, сынъ Олъжинъ,
Ида на Царьград с малою дружиною, и рече:
Братиа! Намъ ли от града погинути
Или граду от нас пленену быти?
Яко же Богъ повелить, тако будеть:
Поженет бо единъ сто, а от ста двигнется тма.
Надѣяся на Господа яко гора Сионъ:
Не подвижится въ вѣки.

XVIII

1 Дивиа за буяном кони паствити;
2 Тако и за добрымъ князем воевати.
3 Многажды безнарядиемъ полци погибають.
4 Видих: великъ звѣрь, а главы не имѣеть;
5 Тко и многи полки без добра князя.
6 Гусли бо страяются персты,
7 А тѣло основается жилами,
8 *А дубъ крѣпится* [8] множеством корениа;
9 Тако и градъ нашь — твоею дръжавою.

---

[6] *В ркп.:* ты, княже. *Испр. по др. спискам.* [7] *В ркп. частица* не *пропущена. Испр. по др. спискам.* [8] *В ркп. вм.:* а дубъ крѣпится — дубъ крѣпокъ. *Испр. по др. спискам в соответствии с ритмической структурой (синтаксический параллелизм).*

XIX

1 Зане князь щедръ отець есть слугамъ многиим;
2 Мнозии бо оставляють отца и матерь, к нему прибѣгают.
3 Доброму бо господину служа, дослужится слободы,
4 А злу господину служа, дослужится болшеи роботы.
5 Зане князь щедръ — аки рѣка, текуща без бреговъ сквози дубравы,
6 Напаяюще не токмо человѣки, но и звѣри;
7 А князь скупъ — аки рѣка въ брезѣх, а брези камены:
8 Нѣлзи пити, ни коня напоити.

Вставка IV

1
А бояринъ щедръ — аки кладяз сладокъ при пути:
Напаяеть мимоходящих.
А бояринъ скупъ — аки кладязь сланъ.

* * *

2
Не имѣи собѣ двора близъ царева двора
И не дръжи села близъ княжа села:
Тивунъ бо его — аки огнь, трепетицею накладенъ,
И рядовичи его — аки искры.
Аще от огня устережешися,
Но от искоръ не можеши устеречися
И сождениа портъ.

XX

1 Господине мои! Не лиши хлѣба нища мудра,
2 Ни вознесе до облакъ богата несмыслена.
3 Нищь бо мудръ — аки злато в кални судни,
4 А богат красенъ и не смыслить —
5 То аки паволочито изголовие, соломы наткано.

XXI

1 Господине мои! Не зри внѣшняя моя, но возри внутреняя моа.
2 Азъ бо [9] одѣниемъ оскуденъ есмь, но разумом обиленъ;
3 Унъ възрастъ имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ.
4 Бых мыслию паря, аки орелъ по воздуху.

XXII

1 Но постави сосуд скуделничь под *потокъ* капля языка моего,
2 Да накаплють ти слажше меду словеса устъ моих.
3 Яко же Давидъ рече:
4 Сладка сут(ь) словеса твоя, паче меда устомъ моимъ.

Вставка V

Ибо Соломонъ рече:
Словеса добра сладостью напаяють душу,
Покрываеть же печаль сердце безумному.

XXIII

1 Мужа бо мудра посылаи — и мало ему кажи,
2 А безумнаго посылаи — и самъ не лѣнися по немъ ити.
3 Очи бо мудрых желают благых,
4 А безумнаго — дому пира.

---

[9] *В ркп. далее вставлено слово* господине. *Испр. по др. спискам.*

Лѣпше слышати прѣние умных, нижели наказаниа безумных.

...

Даи бо премудрому вину — премудрие будеть.

...

1 Не сѣи бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумныих.

...

Безумных бо ни сѣють, ни орють, ни в житницю сбирают, но сами ся родят.

...

Какъ в утелъ мѣх лити, такъ безумнаго учити.

...

Псомъ бо и свиниамъ не надобѣ злато, ни сребро, ни безумному — драгии словеса.

...

Вставка VI Ни мертвеца росмѣшити, ни безумнаго наказати.

...

Коли пожреть синиця орла,
Коли камение въсплавлет по водѣ,
И коли иметь свиниа на бѣлку лаяти, —
Тогды безумныи уму научится.

* * *

Или ми речеши: от безумиа ми еси молвилъ. — То не видал есмь неба полъстяна, ни звиздъ лутовяных, ни безумнаго, мудрость глаголющь.

2 Или ми речеши: сългалъ еси, аки песъ. — Добра бо пса князи и бояре любят.

Или ми речеши: сългалъ еси, аки тать. — Аще бых украсти умѣлъ, то толко бых к тобѣ не скорбилъ. Дѣвиця бо погубляеть красу свою бляднею, а мужь свое мужество татбою.

XXIV

1 Господине мои! То не море топить корабли, но вѣтри;
2 Не огнь творить ражежение желѣзу, но надымание мѣшное;
3 Тако же и князь не самъ впадаеть въ вещь, но думци вводять.
4 З добрымъ бо думцею думая, князь высока стола добудеть,
5 А с лихимъ думцею думая — меншего лишенъ будеть.

Глаголеть бо в мирскых притчах:
1 Не скотъ въ скотѣх коза,
Ни зверь въ звѣрех ожь,
Ни рыба въ рыбах ракъ,
ни потка въ потках нетопырь,
Вставка VII не мужь в мужех, иже кимъ своя жена владѣеть,
не жена в женах, иже от своего мужа блядеть,
не робота в роботах — под жонками повозъ возити.

* * *

2 Дивнѣи дива, иже кто жену поимаеть злобразну прибытка дѣля. Видѣх жену злообразну, приничюще к зерцалу и мажущися румянцемъ, и рѣх еи: не зри в зерцало, видѣвше бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль приимеши.

XXV

1 Или ми речеши:
2 Женися у богата тьстя чти великиа ради; ту пии и яжь.
3 Ту лѣпше ми волъ буръ вести в дом свои, нѣже зла жена поняти:
4 Волъ бо ни молвить, ни зла мыслить,
5 А зла жена бьема бѣсѣться, а кротима высится,
6 Въ богатествѣ гордость приемлеть, а (в)[10] убожествѣ иных осужаеть.

---

[10] *В ркп. предлога* в *нет. Испр. по др. спискам.*

Что есть жена зла? — Гостинница неуповаема, кощунница бѣсовская
1 Что есть жена зла? — Мирскии мятежь, ослѣпление уму, началница всякои злобѣ, въ церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада от спасениа

* * *

2 Аще которыи муж смотрить на красоту жены своеа и на *ея* [11] ласковая словеса и льстива, а дѣлъ ея не испытаеть, то даи Богъ ему трясцею болѣти, да будеть проклят

* * *

Но посему, братиа, расмотрите злу жену И рече мужу своему господине
3 мои и свѣте очию моею! Азъ на тя не могу зрѣти Егда глаголеши ко
Вставка VIII мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздеръжат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю

* * *

Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща крестъ есть глава
4 церкви, а мужь — женѣ своеи Жены же у церкви стоите, молящеся Богу и святѣи Богородици, а чему ся хотите учити, да учитеся дома у своих мужеи А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не борзо обрѣсти добры жены

* * *

5 Добра жена — вѣнець мужу своему и безпечалие, а зла жена — лютая печаль, истощение дому

Червь древо тлить, а зла жена домъ мужа своего теряеть

Лутче есть утли лодии ездѣти,
Нежели злѣ женѣ таины повѣдати
Утла лодиа порты помочит,
А злая жена всю жизнь мужа своего погубить

Лѣпше есть камень долоти, нижели зла жена учити

Железо уваришь, а злы жены не научишь
Зла бо жена ни учениа слушаеть,
Ни церковника чтить,
Ни Бога ся боить,
Ни людеи ся стыдить,
Но всѣх укоряет и всѣх осужаеть

* * *

Что лва злѣи в четвероногих, и что змии лютѣи в ползущих по земли? —
6 Всего того злѣи зла жена Нѣсть на земли лютѣи женскои злобы Женою сперва прадѣдъ нашь Адамъ из рая изгнанъ бысть, жены ради Иосифъ Прекрасныи в темници затворенъ бысть, жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша, и лви ему нози лизаху О злое, острое оружие диаволе и стрѣла, лѣтящеи с чемеремъ!

* * *

7 Нѣ у кого же умрѣ жена Онъ же по *малых* [12] днех нача дѣти продавати И люди рѣша ему чему дѣти продаешь? Он же рече аще будуть родилися в матерь, то, возрошьши, мене продадут

* * *

8 Еще возвратимся на предняя словеса

XXVI

1 Азъ бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся,
2 Но бых аки пчела, падая по розным цвѣтом, совокупляя медвеныи сотъ;
3 Тако и азъ, по многим книгамъ исъбирая сладость словесную и разум,
4 И съвокупих, аки в мѣх воды морскиа.

---

[11] *В ркп. вм* и на ея — и на я, и *Испр по др спискам* [12] *В ркп.* по матерных *В др списках «Слова»* — по смерти *Испр по «Пчеле»*

XXVII

1 Да уже не много глаголю.

Вставка IX Не отмѣтаи безумному прямо безумию его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану с нимъ много глаголати.

2 Да не буду аки мѣх утѣлъ,
3 Роня богатство в руци неимущим;
4 Да не уподоблюся жорновом,
5 Яко тии многи люди насыщают,
6 А сами себе не могут насытитися жита.

XXVIII

1 Да не възненавидим буду миру со многою бесѣдою,
2 Яко же бо птиця, частяще пѣсни своя, скоро възненавидима бываеть.
3 Глаголеть бо в мирскых притчах:
4 Рѣчь продолжена — не добро, добро — продолжена паволока.

XXIX

1 Господи! Даи же князю нашему
2 Самсонову силу, храбрость Александрову,
3 Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову.
4 И умножи, Господи, вся человѣкы под *руку* [13] его.
5 Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣк.

---

[13] *В ркп.* под нози. *Испр. по др. спискам.*